

- Труднее всего забыть всегда тех, кого мы подвели.

В особняке в Нью-Йорке Ци Ван сидел у камина и читал книгу, когда вдруг услышал, как его наставник тихо бормочет эту фразу.

Он поднял голову только для того, чтобы понять, что его наставник повторяет строчки из телевизора.

Была зима.

За окном мягко падали снежинки. Цзэн Наньюэ, как всемирно известный художник, все еще сохранял юношескую манеру поведения даже в свои почти семьдесят. Хотя его волосы были седыми, а лицо худощавым, он выглядел безупречно. Он сидел в кресле-качалке в мягком кардигане верблюжьего цвета, не выказывая никаких признаков старения.

Ци Ван закрыл книгу и несколько секунд смотрел в телевизор, прежде чем спросить своего наставника с оттенком веселья:

- Вы вспоминаете о прошлой возлюбленной?

Цзэн Наньюэ повернул голову, чтобы посмотреть на своего ценного ученика, и пожал плечами.

- Нет, - сказал он беззастенчиво. - Я причинил зло слишком многим людям. Теперь, когда я стар, я не могу вспомнить их всех. Хотя я сопротивляюсь старению, иногда я думаю, что мне уже за семьдесят, и когда я оглядываюсь назад на последние несколько десятилетий своей жизни, я ни о чем не жалею.

Ци Ван слегка улыбнулся.

Как близкий ученик Цзэн Наньюэ, он, естественно, знал о череде романтических связей своего наставника.

Честно говоря, будучи учеником, он получал от Цзэн Наньюэ дотошные наставления в живописи, но их взгляды на любовь были совершенно разными.

Но это не помешало ему уважать Цзэн Наньюэ.

Он встал, поправил одеяло на ногах Цзэн Наньюэ, налил ему стакан горячего молока, а затем снова сел у камина.

Мерцающие языки пламени танцевали на его лице, отбрасывая теплый оранжево-золотой оттенок на его бледное и худощавое лицо, придавая его чертам налет теплоты.

Это должна была быть уютная сцена, но он оставался таким же холодным и молчаливым, как снег за окном, не вписываясь в теплоту момента.

Цзэн Наньюэ медленно отхлебнул горячего молока и некоторое время пристально смотрел на Ци Вана.

Этот студент был отобран им лично и, естественно, преуспевал во всем. Его художественный талант удивил даже его самого, и всего за три года с тех пор, как он присоединился к нему, он быстро вырос.

Но Ци Ван был хорош во всем, за исключением того, что ему не хватало искры.

Несмотря на свой юный возраст, он был безразличен, как монах, его линии на бумаге были подавлены, но в этом подавлении был намек на безумие, как свет, неспособный найти выход, только погружающийся в землю.

Цзэн Наньюэ взглянул на Ци Вана и внезапно сказал:

- Прекрати читать. Подойди и поболтай со своим наставником.

Ци Ван терпеливо закрыл книгу и спросил:

- О чем?

Цзэн Наньюэ откинулся на спинку кресла, его взгляд все еще был острым, несмотря на преклонный возраст.

Он говорил небрежно, как будто вел беседу по душам.

- Ты когда-нибудь был влюблен?

Он посмотрел на своего молодого ученика, который был совершенно другим, чем при их первой встрече.

Уравновешенный, сдержанный и элегантный.

Никто не мог сказать, что когда-то он был диким уличным мальчишкой.

Но он также не изменился.

Высокий, красивый, с широкими плечами и узкой талией, на его пальцах были мозоли от тяжелой жизни.

Даже закутанный в мягкое кашемировое пальто, сидя у окна, он все равно напоминал длинный нож, спрятанный в ножнах.

Белоснежный, острый и лишенный сентиментальности.

Запертый на тяжелый замок, храня все свои эмоции глубоко внутри.

Цзэн Наньюэ относился к Ци Вану как к родному сыну.

В его жизни не было детей, но иметь такого вдумчивого ученика даже в преклонном возрасте было неплохой судьбой.

Таким образом, он также пытался быть отцом. Его голос был нежным, как будто он разговаривал по душам.

- Когда я был в твоём возрасте, у меня было по меньшей мере пять или шесть отношений. Но ты живешь как отшельник, как скучно, - сказал он. - У тебя еще не было первой любви, не так ли?

Первая любовь?

Эти несколько слов были подобны царапанью ногтями по классной доске, причиняя острую боль.

Лицо Ци Вана слегка изменилось, он опустил голову и посмотрел на книгу в своей руке.

Это были "Сто лет одиночества", и он часто сидел у окна и читал ее, перечитывая много раз.

Но только он знал, что причина, по которой ему нравилось читать эту книгу, заключалась в том, что в середине была спрятана фотография.

Когда Цзэн Наньюэ задал этот вопрос, его пальцы случайно наткнулись на страницу 124 "Ста лет одиночества", и тонкая фотография появилась снова.

На фотографии двое молодых людей стояли бок о бок, тот, что слева, высокий и красивый, с холодным взглядом, но редкой улыбкой, обнимал рукой мальчика рядом с собой. Мальчик справа был гораздо оживленнее, с озорной, как у кота, улыбкой, светлой кожей и глазами, чистыми, как вода, прекрасными, как цветы на дереве в марте.

На мгновение его сердце опустело.

Его пальцы прошли по щеке молодого человека на фотографии, как будто, делая это, он мог коснуться ямочки на правой щеке молодого человека.

В конце концов, он не ответил на вопрос своего наставника.

5 часов вечера, город А.

Ци Ван сидел в машине, его разум все еще немного болел.

Последние несколько дней он не спал из-за подготовки к художественной выставке. Ему только что удалось вздремнуть днем после того, как он не спал всю ночь, но потом ему приснился долгий сон.

Все во сне было по-прежнему ярким.

Квартира в Нью-Йорке, кипарисы за окном, и время от времени на подоконник запрыгивали белки.

Его наставник в непринужденной манере расспрашивал его о личной жизни.

Ци Ван взглянул на свое запястье.

На его запястье висел дешевый черный браслет, который не совсем соответствовал его нынешнему статусу. Из-за возраста, независимо от того, насколько тщательно за ним ухаживали, браслет стал грубым и тусклым.

Но с годами, куда бы он ни пошел, этот браслет всегда был на его запястье.

Он не мог вспомнить, как ответил четыре года назад.

Но в глубине души он знал.

Ответ был "да".

У него была любовь, незабываемая на всю жизнь.

Воспоминания о его юности были слишком тяжелыми, от них у него почти перехватывало

дыхание, поэтому он едва осмеливался кому-либо о них рассказать.

За окном проносились тени деревьев. Два часа спустя Ци Ван прибыл на место.

Он присутствовал на благотворительном банкете, организованном мисс Сюй Илинью, третьей дочерью Dongsheng Group.

У него были хорошие отношения с братом госпожи Сюй Илинью, Сюй Иже. Сюй Иже прислал ему приглашение и пригласил его присутствовать, хотя Ци Вану никогда не нравилось участвовать в подобных мероприятиях.

На этом банкете также было много знаменитостей из индустрии развлечений, и репортеры с самого начала сидели на корточках у красной дорожки.

Как только Ци Ван вышел из машины, его осветили фонариками.

Хотя он не имел никакого отношения к индустрии развлечений, как молодой художник с международным признанием, одаренный и обладающий лицом, которое могло бы соперничать с лицом знаменитости, средства массовой информации стремились преследовать его, и его внешность была достаточно привлекательной для заголовков газет.

Единственное упущение, так это то, что он почти никогда не улыбался на публике.

Какие бы вопросы ни задавали репортеры и каким бы ослепительным ни был свет, в его глазах всегда было слабое выражение, не злое, не веселое, но и не приятное. Это соответствовало стереотипному образу художника-затворника.

Избегая света вспышек, Ци Ван направился прямо в зал под присмотром телохранителей.

Внутри уже было много людей.

Перед началом банкета все были заняты болтовней друг с другом.

Когда Сюй Иже увидел прибывшего Ци Вана, он, извинившись, отошел от человека, с которым разговаривал, затем подошел к Ци Вану.

- Когда ты приехал в страну? Почему ты не позволил мне встретить тебя? - сказал Сюй Иже. - Ты закончил свои дела в Париже?

В глазах Ци Вана все еще был намек на усталость.

- Пока нет, но почти закончил, - сказал Ци Ван. - Я должен был вернуться позавчера, но возникли проблемы с прогрессом Зу, поэтому меня задержали еще на один день. Я лег спать, как только сошел с самолета. Никому не нужно было встречать меня.

Помимо живописи, у него были и другие предприятия под этим названием. "Зу" - отель в стиле арт, в который он инвестировал в Париже.

Сюй Иже понимающе кивнул.

Они вдвоем поболтали в уголке о проекте, в который собирались инвестировать, и Сюй Иже также показал Ци Вану фотографии виноградника, который он недавно купил во Франции.

- Я планирую основать свой собственный винный бренд. Когда придет время, я попрошу тебя

разработать для меня логотип, и моя ценность сразу же возрастет... - пошутил Сюй Иже.

Ци Ван усмехнулся и поддразнил его:

- Ты довольно амбициозен.

Поскольку банкет должен был скоро начаться, последние несколько гостей прибыли с модным опозданием.

♥ Спасибо, что читаете и тем самым поддерживаете наши переводы! ♥

Новости команды и анонсы новых проектов вы можете найти в нашей группе ВКонтакте:
<https://vk.com/rurano>

<http://bllate.org/book/14160/1246613>